

Патриарх Никон
и его противники в деле исправления
церковных обрядов, Н.Ф. Каптерев

Г Л А В А II.

Флорентійская унія и паденіе Константинополя имѣли рѣшающее значеніе для послѣдующей русской церковной жизни. Съ этого времени именно русская церковь признала себя самостоятельной, способною жить своею собственною, независимою отъ грековъ жизнью. Если ранѣ различные возникавшіе у насъ церковные вопросы и недоумѣнія рѣшались греками, то теперь они рѣшаются уже исключительно самими русскими. Въ русокой церкви съ конца XV вѣка до половины XVI появляется нѣсколько ересей, изъ которыхъ нѣкоторыя приобрѣтаютъ значительную силу и распространенность, но русская церковь борется съ ними исключительно только своими силами и средствами, вовсе не прибѣгая къ содѣйствію и авторитету современной греческой церкви. Съ конца XV вѣка у насъ возникаютъ горячіе споры о платѣ за посвященіе въ церковныя должности, о вдовыхъ священникахъ, о монастырскихъ имуществахъ и пр. и эти всѣ вопросы рѣшаются русскими іерархами безъ всякаго участія грековъ и сношеній съ греческою церковію. Но проявленія самостоятельности русской церкви относительно греческой на этомъ не остановились, а пошли значительно далѣе.

Русскіе приняли отъ грековъ извѣстный церковный обрядъ, который большинство изъ нихъ ставило наравнѣ съ вѣроученіемъ и потому старалось разъ принятое держать неизмѣнно, хотя у самихъ грековъ обрядъ былъ не одинаковъ въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ, не одинаковъ въ различное время въ одной и той же церкви; по самому существу своему обрядъ развивался постепенно и видоизмѣнялся по требованію гѣхъ или

другихъ историческихъ обстоятельствъ. На ряду съ другими древними обрядами русскіе заимствовали у грековъ и двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, сугубую аллилуію и др., которые у грековъ съ теченіемъ времени подверглись видоизмѣненіямъ. Двоеперстіе окончательно вытѣснено было у нихъ троеперстіемъ²⁴⁾, которое, вѣроятно съ половины XV вѣка, и стало у грековъ преобладающимъ, равно какъ прежнее безразличное двоеніе или троеніе аллилуіи замѣнилось исключительно троеніемъ. Русскіе же относительно перстосложенія для крестнаго знаменія остались при древнѣйшей его формѣ—двоеперстной, а относительно аллилуіи у нихъ сугубая стала преобладать надъ трегубой, благодаря чему между греческими и русскими обрядами явилась рознь. А между тѣмъ видоизмѣнившійся греческій обрядъ незамѣтно сталъ проникать на Русь и находить себѣ здѣсь приверженцевъ,—отсюда на Руси стали возникать споры: какому обряду надлежитъ слѣдовать, тому ли, который издревле преобладалъ на Руси, или тому, который позднѣе сдѣлался господствующимъ у грековъ. До насъ дошли горячіе споры объ аллилуіи, но несомнѣнно подобныя же споры возникали и относительно другихъ обрядовъ, что конечно и заставило Стоглавый соборъ заняться этими спорными вопросами и сдѣлать относительно ихъ опредѣленные постановленія.

Итакъ, на границѣ, по нашему мнѣнію, XV и XVI вѣка русскіе разошлись съ греками въ нѣкоторыхъ обрядахъ, и эти разности возбуждали толки и споры въ русскомъ обществѣ,—одни ратовали за русскій обрядъ, другіе за греческій²⁵⁾. Стоглавый

---

²⁴⁾ Объ этомъ подробно будетъ сказано ниже.

²⁵⁾ Въ преніяхъ объ аллилуіи противникъ преем. Евфросина говорить, что греки «на сихъ лѣтѣхъ (т.е. еще очень недавно) къ своей погибели отъ истины свернулись и печать антихристову на челѣ и на десницѣ пріяша» и что теперешнимъ развращеннымъ грекамъ вѣрить не слѣдуетъ. На Стоглавомъ соборѣ царь говорилъ: «а *которые обычаи съ прежнихъ времена, послѣ отца моего великаго князя Василія Ивановича всея Руси и до сего настоящаго времени поимсатилися, или въ самовластіи учинено, по своимъ волямъ, или преданія законы нарушены, или ослабно дѣла и небрегомо Божіихъ заповѣдей, что творилося*» обо всемъ просить позаботиться пастырей въ видахъ исправленія этихъ недавно появившихся въ церковной жизни безпорядковъ. Такимъ образомъ, по сознанию самихъ русскихъ, греки отъ истины «свернулись» и «печать антихристову на челѣ

соборъ призванъ былъ рѣшить указанные спорные вопросы и дѣйствительно рѣшаетъ ихъ, но на основаніи только русской церковной старины, на основаніи имѣвшихся у него подъ руками только русскихъ данныхъ, вовсе не принимая въ расчетъ современной греческой практики, не обращаясь къ грекамъ за совѣтомъ, указаніями и разъясненіями. Простымъ игнорированіемъ грековъ Стоглавый соборъ однако не ограничивается, а идетъ далѣе. Онъ не только признаетъ правыми и узаконяетъ въ русской церкви тѣ именно обрядовыя особенности, которыми русскіе порознились въ послѣднее время отъ грековъ, но, такъ какъ современный греческій обрядъ сталъ проникать на Русь и

и на десницѣ приняли», только «на сихъ лѣтѣхъ», или, по опредѣленію Грознаго царя, только послѣ смерти отца его великаго князя Василія Ивановича, т.-е. на границѣ XV и XVI вѣка. Еслибъ троеперстіе проникло къ намъ ранѣе, еще при митрополитахъ грекахъ, то оно конечно и утвердилось бы у насъ уже въ то время вмѣсто двоеперстія, такъ какъ митрополиты греки естественно постарались бы ввести на Русь тотъ обрядъ, который господствовалъ и всѣмъ принимался въ греческой церкви, а русскіе, такъ какъ авторитетъ грековъ въ то время еще ничѣмъ не былъ поколебленъ въ ихъ мнѣніи, охотно подчинились бы требованіямъ своихъ митрополитовъ. Къ этому излишне прибавить указаніе и на то обстоятельство, что у самихъ грековъ ясное и опредѣленное ученіе о троеперстіи, насколько это намъ извѣстно, наложено въ первый разъ въ сочиненіи извѣстнаго солунскаго иподiakона Дамаскина Студита начала XVI вѣка, а у русскихъ только со второй половины XV вѣка появляется такъ-называемое Феодоритово Слово, въ которомъ опредѣленно выражено ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи, и которое во все послѣдующее время служило главнымъ оправданіемъ двоеперстія. Появленіе у насъ Феодоритова Слова именно со второй половины XV вѣка и его быстрая распространенность съ этого времени указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что именно въ это время явилась нужда оправдать двоеперстіе какимъ-либо авторитетнымъ свидѣтельствомъ, подыскать для него данныя въ церковно-исторической древности, явилась потребность защитить этотъ древній русскій обычай отъ проявившихся на него въ то время какихъ-то нападеній. Въ виду этого время появленія у насъ Слова Феодорита о крестномъ знаменіи служить указателемъ, когда именно въ первый разъ стало проникать на Русь усвоенное въ то время греками троеперстіе, которое необходимо вступило у насъ въ борьбу съ двоеперстіемъ, почему для оправданія послѣдняго и понадобилось теперь Феодоритово Слово. Но ятно само собою, что русское двоеперстіе въ крестномъ знаменіи мы вовсе не считаемъ произведеніемъ Феодоритова Слова, — наоборотъ появленіе самаго Слова Феодорита (будетъ ли оно подложное или подлинное) было вызвано потребностію оправдать уже существовавшій у насъ обычай двоеперстія, какъ это мы увидимъ ниже.

находить въ ней своихъ сторонниковъ и защитниковъ, то соборъ ограждаетъ узаконяемый имъ обрядъ, несогласный съ современнымъ греческимъ, страшною соборною клятвою, съ цѣлю предупредить возможность его измѣненія въ пользу греческаго обряда и на все послѣдующее время. Очевидно іерархи, присутствовавшіе на Стоглавомъ соборѣ, были твердо убѣждены, что православный обрядъ во всей его первоначальной чистотѣ и неповрежденности сохранился только у русскихъ, тогда какъ современные греки допустили въ немъ въ послѣднее время нѣкоторыя новшества и искаженія.

Постановленія Стоглаваго собора имѣли громадную важность для послѣдующихъ отношеній русскихъ къ грекамъ. Уже вслѣдъ за «лорентійскою унією и паденіемъ Константинополя у насъ раздались голоса, обвинявшія грековъ въ неправославіи. Эти обвиненія грековъ подхвачены были нашими книжниками-грамотѣями, которые и построили на основаніи ихъ особую теорію объ исключительномъ призваніи Москвы и о благочестіи русскихъ, какъ высшемъ и совершеннѣйшемъ въ цѣломъ мірѣ³⁶⁾. Понятно, что эти крайнія воззрѣнія на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, нашли себѣ въ постановленіяхъ Стоглаваго собора новую опору, подтвержденіе и оправданіе и потому все болѣе и болѣе распространялись въ средѣ русскаго общества, для большинства котораго существованіе въ русской церкви обряда, несогласнаго съ греческимъ, всегда служило нагляднымъ и убѣдительнымъ подтвержденіемъ справедливости возводимыхъ на современныхъ грековъ обвиненій въ потерѣ ими истиннаго православія. Но какъ бы ни былъ широко распространенъ этотъ взглядъ на грековъ среди русскаго общества, все-таки онъ никогда не былъ взглядомъ всеобщимъ, а тѣмъ болѣе церковнымъ. Онъ высказывался только какъ частное мнѣніе и притомъ высказывался только во время горячихъ споровъ, когда возникалъ ненормальный вопросъ: у кого православіе сохранилось въ неизмѣнномъ видѣ,—у грековъ или у рус-

---

³⁶⁾ Эти воззрѣнія русскихъ на грековъ и роль этихъ воззрѣній въ русской жизни подробно нами указаны въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, во введеніи.

скихъ,—причемъ естественная національная гордость и самомнѣніе русскихъ побуждали ихъ безмѣрно хвалить свое и всячески унижать греческое.

Русскіе іерархи хорошо знали, что флорентійская унія была дѣломъ только политическаго разчета, дѣломъ немногихъ, а не всего народа, что въ дѣйствительности греки относились къ уніи съ ненавистію и никогда не признавали ея, такъ что и послѣ флорентійской уніи православіе въ Греции сохранилось попрежнему. Въ этомъ смыслѣ наши іерархи и дѣлали заявленія. Такъ первый самими русскими поставленный митрополитъ Іона, въ посланіи къ кievскому князю Александру Владиміровичу, пишетъ: „ты самъ знаешь, что случилось въ Царьградѣ *въ царяхъ и патріаршество*... въ великой соборной церкви и въ палатѣ царской начали поминать имя папы, *тогда какъ ни въ монастыряхъ, ни въ одной изъ церквей въ Царьградѣ и во всей Святой горѣ нидѣ не поминается имя папино, а держатъ все, по милости Божіей, добрую старину*, т.-е. митрополитъ Іона обвинялъ въ уклоненіи въ латинство только царя и патріарха, признавая весь остальной греческій народъ строго держащимся православія ²⁷⁾). Митрополитъ Θεодосій, призывая въ 1464 году новгородцевъ и псковичей къ дачѣ милостыни Св. Гробу, пишетъ, что іерусалимскій патріархъ „самъ бы пошелъ въ землю нашу, желая *по выше данной ему силѣ и по благодати Божіей, дать намъ благословеніе отъ своей руки* и даровать прощеніе грѣховъ тѣмъ, которые бы съ вѣрою ему исповѣдали“, но по обстоятельствамъ не могъ исполнить своего желанія, а прислалъ вмѣсто себя протосингела своего Іосифа съ тѣмъ, чтобы онъ былъ рукоположенъ въ Москвѣ въ митрополиты Кесаріи Филипповой, что Θεодосій, согласно желанію патріарха, и исполнилъ ²⁸⁾). Этотъ фактъ ясно говоритъ за то, что и послѣ флорентійской уніи между греками и русскими попрежнему существовало церковное единеніе.

Скоро русскіе, поддерживавшіе съ православнымъ Востокомъ постоянныя живыя сношенія, убѣдились въ томъ, что и господ-

²⁷⁾ А. И. 1, № 47.

²⁸⁾ А. Э. 1, стр. 127.

ство турокъ не искоренило православія на востокъ. Поэтому, параллельно съ существованіемъ крайнихъ воззрѣній, признающихъ грековъ потерявшими православіе, мы встрѣчаемъ у русскихъ и мнѣнія совершенно противоположныя. Извѣстный навѣ путешественникъ XVI вѣка по святымъ мѣстамъ, Трифонъ Корабейниковъ, въ описаніи своего путешествія, которое было столь любимымъ и распространенымъ чтеніемъ въ древней Руси, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „и вииде патріархъ (іерусалимскій) святѣйшій (въ великую церковь) съ православными христианами (иже) суть: греки и сиряне, и серби, ивери, и Русь, арелланите (?), волохи. А латыни и всѣ еретики, игумены и попы ихъ, взимають огонь отъ христіанскаго кадила, что на гробѣ Господни, и своя кадила зажигають, а святѣйшій патріархъ свѣщъ имъ изъ своихъ рукъ съ огнемъ небеснымъ не дастъ, удаляется отъ нихъ и не советуетъ съ ними ничто же... Служилъ патріархъ (александрійскій въ Синайской обители) со всѣмъ соборомъ, у Николы чудотворца и облачался все по нашему російскому обычаю“. О синайскихъ инокахъ, удивляясь ихъ суровой жизни и терпѣнію, Корабейниковъ замѣчаетъ, что онѣ „подобии ангеломъ“, „зѣло подвижны къ Богу“. Прибывъ въ Райфу онъ замѣчаетъ: „въ Райфѣ же грековъ нѣсть, живутъ сиряне, вѣра православная христіанская³⁹⁾. Въ одномъ хронографѣ (списокъ котораго относится къ 1647 году) разсказывается, что четыре вселенскіе патріарха, „подвижеся отъ Св. Духа“, совѣщались между собою посланіями, чтобы „отъ своего четверочисленнаго и благочестиваго лика“ послать единого въ Москву къ царю Михаилу Феодоровичу, дабы онъ поставилъ на Москвѣ патріарха, чтобы русская церковь болѣе не вдовствовала. Патріархи рѣшили для этой цѣли послать въ Москву іерусалимскаго патріарха Θεοφана, который дѣйствительно отправился на Русь и, прибывъ въ Москву, поставилъ здѣсь, съ согласія царя, патріархомъ Филарета Никитича⁴⁰⁾. Въ старинныхъ космографіяхъ (которыя А. Поновъ

³⁹⁾ Рукопись нашей Академической бібліотеки № 436, стр. 14 об., 20, 59 об. 5, 67 и 74.

⁴⁰⁾ Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, Андрея Попова, стр. 208.

подраздѣляетъ на три редакціи), про грековъ говорится въ космографіи первой редакціи: „патріархи же (греческіе) и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и святѣя Божія церкви ничимже вреждены суть, но тяжкими данми усмирены суть; въ космографіи второй редакціи: греки „вѣру христіанскую держатъ, какъ великихъ чиновъ люди, тако же и общій народъ, и въ церквенныхъ чинѣхъ такоже по стариннымъ обычаямъ содержатся“; въ космографіи третьей редакціи: „грецы вѣру христіанскую имутъ непремѣнну“. Греки, живя подъ турецкимъ игомъ „патріарха же и митрополиты и архіепископы своя имутъ, *православни попрежнему* и монастыри и церкви имутъ, аще и утѣсняеми отъ турокъ, но *благочестіе непремѣнно соблюдающе*“⁴¹⁾.

Но для насъ болѣе важны, конечно, не мнѣнія лицъ частныхъ и случайныхъ, а мнѣнія правительственныхъ и церковныхъ.

Что наши великіе князья, а потомъ цари московскіе признавали греческій Востокъ православнымъ, это съ несомнѣнностію слѣдуетъ изъ того, что они всѣмъ четверемъ, восточнымъ патріархамъ, затѣмъ на Аѳонъ, Синай и въ другіе знаменитѣйшіе восточные монастыри, правильно посылали значительныя дачи милостыни въ видахъ поддержанія православія на востокъ. Посылая „задравныя“ и „заупокойныя“ милостыни на востокъ, наши цари требовали, чтобы въ патріаршихъ церквахъ и въ различныхъ восточныхъ монастыряхъ молились о здравіи государя и его семьи и поминали за упокой его умершихъ предковъ⁴²⁾) Такія отношенія нашихъ государей къ православному востоку были бы совершенно невозможны, еслибы они смотрѣли на грековъ, какъ на народъ уже потерявшій истинное православіе.

Что сама русская церковь признавала свое единеніе съ церковію греческою, признавала старѣйшинство послѣдней и ея полное православіе, это съ несомнѣнностію слѣдуетъ изъ учрежденія у насъ патріаршества. Первый нашъ патріархъ Іовъ былъ поставленъ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, права нашего патріарха были опредѣлены и узаконены константинопольскимъ соборомъ; въ нашихъ церквахъ при богослуженіи, въ

⁴¹⁾ Ibid. стр. 462, 499, 520.

⁴²⁾ См. объ этомъ въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, гл. 4, стр. 105—145.

знакъ единенія русской церкви съ греческою, возносилось имя константинопольскаго и другихъ восточныхъ греческихъ патриарховъ. Филаретъ Никитичъ былъ поставленъ въ патриархи іерусалимскимъ патриархомъ Теофаномъ. Еслибы русская церковь дѣйствительно считала грековъ утерьявшими истинное православіе, какъ бы она рѣшилась принять поставленіе своего главы отъ представителей потерявшей уже православіе церкви, и какъ бы тогда возможно было возношеніе имени константинопольскаго патриарха при богослуженіи въ русскихъ церквахъ?

Но мало того, что наши патриархи принимали ставленіе отъ патриарховъ греческихъ, но и на Москвѣ въ одно время патриархомъ избранъ былъ, и притомъ вполнѣ правильно, грекъ Игнатій. Правда противъ патриарха Игнатія у насъ возникли потомъ разныя подозрѣнія, даже высказывались сомнѣнія въ его полномъ православіи; но эти обвиненія и сомнѣнія возникли уже послѣ и источникъ ихъ заключался не въ дѣйствительномъ неправовѣрїи Игнатія, а въ его близости къ ненавистному Разстригѣ ⁴³⁾,

Въ Москву не разъ, въ концѣ XVI вѣка, прїѣзжали различные греческіе іерархи и оставались у насъ на вѣчное житіе, или на очень долгое время, причемъ нѣкоторые изъ нихъ дѣлались даже епархіальными архіереями (напримѣръ ахридскій архіепископъ Нектарій былъ у насъ, въ началѣ XVII вѣка, вологодскимъ архіереємъ). Всѣ эти выходцы-архіереи свободно пользовались въ Москвѣ своими архіерейскими правами и участвовали во всѣхъ церковныхъ службахъ наряду съ русскими іерархами. Отъ архіерея-выходца, желавшаго остаться въ Москвѣ, наше правительство требовало только, чтобы онъ представилъ свою ставленную грамоту и отпускную отъ своего патриарха и чтобы при совершеніи богослуженія на Руси придерживался тѣхъ

---

⁴³⁾ Одинъ хронографъ говоритъ: «Растрига низвергнувъ Іова «и на его мѣсто взводитъ на престолъ единомысленнаго себѣ Игнатія патриарха, родомъ страны италійскія, а вѣры не вѣмъ греческія, не вѣмъ латинскія, едино вѣмъ, еже православія догматы неистово исполняюща и творяща. Игнатія, его же безъ священныхъ рукоположеній (?) возведе на престолъ Растрига, сего въ Чудовъ монастырь послаша подъ начало, яко да совершенно навикнетъ благочестія вѣры, иже во Христа Бога». (А. Попова: Изборн. слав. и рус. статей внес. въ Хрон. рус. редакція стр. 193—194).

церковныхъ особенностей, которыми русскіе отличались тогда отъ современныхъ грековъ ⁴⁴⁾).

Но признавая грековъ православными ⁴⁵⁾ и находясь съ ними

---

⁴⁴⁾ См. объ этомъ въ нашей книгѣ: Характеръ отнош. Рос. къ прав. востоку, стр. 145—220.

⁴⁵⁾ Мнѣніе, что русская церковь признавала грековъ православными, повидимому расходитя съ тѣмъ фактомъ, что у насъ нѣкоторыхъ грековъ отдавали иногда подъ началъ для исправленія изъ *христіанскія вѣры*. Но это явленіе—отдача грековъ подъ началъ для исправленія ихъ вѣры,—было очень рѣдкимъ и прямо исключительнымъ. Къ этой мѣрѣ прибѣгали у насъ только тогда, когда имѣлись опредѣленные данныя, что тотъ или другой грекъ, ранѣе своего прибытія въ Москву, или отступалъ отъ православія, какъ это было, напримѣръ, съ извѣстнымъ справщикомъ книгъ Арсеніемъ грекомъ; или когда прибывшій грекъ нѣсколько лѣтъ находился въ плѣну у невѣрныхъ, или вообще въ какихъ-либо особенно близкихъ и подозрительныхъ отношеніяхъ къ туркамъ, латинамъ и уніатамъ. По смыслу соборныхъ постановленій 1620 года о бѣлоруссахъ, отдача подъ началъ въ Москвѣ православныхъ киевлянъ, имѣла значеніе мѣры чисто предохранительной, противъ возможности появленія въ Москвѣ, подъ видомъ православныхъ, лицъ въ дѣйствительности вовсе неправославныхъ, такъ что и отдача какого-либо грека подъ начало служила всегда только выраженіемъ сомнѣнія въ истинности православія даннаго лица, а не грековъ вообще. Поводы же сомнѣваться русскими въ православіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ изъ грековъ, были иногда дѣйствительно вполне законные и основательные, такъ какъ между греками всегда встрѣчались лица уклонившіяся или прямо въ латинство, или чаще въ уніатство. При этомъ нельзя не отмѣтить и тотъ фактъ, что наше правительство, отдавая подъ начало православныхъ бѣлоруссовъ и грековъ, дѣлало, какъ мы видѣли выше, большое различіе между ними, и именно въ пользу грековъ: подначальнымъ бѣлоруссамъ оно запрещало входить въ самую церковь, прикладываться къ иконамъ, благословлять ихъ воздвизательнымъ крестомъ, между тѣмъ какъ подначальнымъ грекамъ, если они не обличены были въ отступленіи отъ православія, все это разрешалось, такъ что все ихъ подначальство приравнивалось къ обыкновенному говнію православныхъ. Другой фактъ. Въ 1653 году иверскій авонскій архимандритъ Климъ, съ согласія всѣхъ бывшихъ тогда въ Москвѣ греческихъ властей и торговыхъ гречанъ, просилъ у государя и патріарха Никона дать для пріѣзжихъ грековъ особый монастырь въ Москвѣ, гдѣ бы служба совершалась на греческомъ языкѣ, потому что греки русской службы не понимаютъ, а *иные русскіе поны* мирскихъ торговыхъ грековъ въ церковь Божию божественнаго пѣнія слушать непушали, *называли ихъ невѣрными*. (Греческія дѣла 7177 года, № 13.) Но уже самое выраженіе челобитной: «иные русскіе поны» показываетъ, что не всѣ, а только нѣкоторые русскіе священники «называли грековъ невѣрными», притомъ не духовныхъ, а мирскихъ лицъ, которыхъ они легко могли, по простому невѣдѣнію, отнести къ восточнымъ нехристіанскимъ народностямъ. Впрочемъ существованія у насъ въ значительной части общества крайнѣе во

въ церковномъ единеніи, русскіе въ то же время въ дѣлѣ благочестія считали себя выше грековъ: они были убѣждены, что греки, сохранивъ у себя неповрежденною самую вѣру православную, т.-е. православное вѣроученіе, въ то же время въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, неосознательно и незамѣтно для себя, отступили отъ старины, вслѣдствіе чего ихъ церковный чинъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частностяхъ, уже нуждается въ исправленіи, и именно по образцу русскаго, который сохранился во всей его первоначальной полнотѣ и неповрежденности.

Указанное нами мнѣніе русскихъ ⁴⁶⁾, что греки „по грѣху

зрѣнія на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, мы вовсе не отрицаемъ, а только не признаемъ его мнѣніемъ церковнымъ, хотя эти крайнія воззрѣнія, какъ значительно распространенныя, могли оказывать, въ известныхъ случаяхъ, свое давленіе и на лицъ нашей церковной іерархіи.

⁴⁶⁾ Этотъ взглядъ русскихъ, вполне объясняющій намъ ихъ отношенія къ грекамъ, съ особенною ясностію и опредѣленностію выраженъ въ запискѣ очевидца современника о томъ, «какъ служилъ Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій съ русскими митрополитами, съ казанскимъ Матвѣемъ и со архіепископомъ» (въ 1619 году). Эта любопытная записка говоритъ: «егда патріархъ вошелъ въ церковь къ службѣ и тогда входъ пѣли ему нодьяки казанскаго митрополита. И какъ, начало полога, пошелъ прикладываться къ образомъ и чудотворцевымъ мощемъ, и хотѣлъ было опять стать на свое мѣсто въ церкви, и тутъ ему сказалъ спасской дьяконъ Дионисей: «поди де государь во олтарь, тамъ де приложись ко Евангелію, и крестомъ себя благословиши и властей служащихъ». И онъ пришедъ во олтарь, приложась ко Евангелію и благословися крестомъ, и служащихъ властей благословлялъ. И какъ сталъ въ церкви на своемъ мѣсте, и въ то время пришелъ ево архимандритъ и архидьяконъ во олтарь, и стали предъ престоломъ во обычныхъ своихъ рясахъ, и положили на престолѣ служебники и ризы и стихари. И Матвѣй митрополитъ учалъ имъ говорити, чтобъ онѣ служебники и ризы и стихари съ престола сняли, и впредъ бы не клали, а стали бы на обычномъ мѣсте и служебники и ризы и стихари клали, гдѣ пригодится, а не на престолѣ. И они рѣчи его не узнали, и съ престола ризъ и стихарей не сняли, и митрополитъ велѣлъ дьякону своему соборному Ивану ризы и стихари съ престола снять и положить на обычномъ мѣсте, идѣже имъ быти достоингъ. И они учали опять ризы и стихари класть на престолѣ. И Матвѣй митрополитъ и архіепископъ Иосифъ (Рязанскій съ 10 генв. 1619 г.) изъ олтаря вышли. А въ то же время приходилъ Иона митрополитъ (крутицкій съ 1613—1624 г.) прикладываться къ чудотворцевымъ мощемъ, а служилъ в архангеле. А учали патріарху говорити: «великій господинъ святѣйшій Ѳеофанъ патріархъ, наша истинная православная християнская црковь не прила сего чина. Пришелъ твой архимандритъ и архидьяконъ

позависнѣди отъ перваго, преданнаго имъ чина“, со времени патриарха Іосифа, въ передовомъ, высшемъ и болѣе образованномъ московскомъ кругу, стало *уступать* другому мнѣнію, что грехи досель *во всемъ* держатъ православную вѣру

во алтарь и стали предъ престоломъ въ однихъ раскахъ безъ ризъ и безъ стихарей, а положили на престолахъ служебники и ризы и стихари, а у насъ кромѣ того не ведется, что на престолахъ Евангеліе и крестъ, а иного ничего не кладутъ. А предъ престоломъ приходишь ты, да со служебники твои митрополиты и архиепископы и епископы въ своихъ манатьяхъ, а кромѣ того, ни архимандриты, ни игумены, ни протопопы кресто не приходятъ, точю въ едонахъ и стихаряхъ. И патриархъ проиждя того сказалъ: «то да учинилось просто, а впредь не того же будетъ». Да митрополиты жъ Матвій и Иона, и архиепископъ Иосифъ патриарху говорили; «ризъ де на твоихъ архимарите не по чину, оплечья у нихъ ни подолжниковъ нѣтъ, а у стихаря такожъ оплечья нѣтъ ни подпазущихъ проймомъ, а у насъ въ правдехъ писано, да вашего жъ греческаго закона: стихарь есть котманная ираруда на (небеси) благодареніе. Его съ нами; не дошитою подпазущае,—ребремае язва, а оплечье,—рана батожная. Заплате есть, иже бѣ связанъ; рудѣ бо Его напредъ, связаша; патриархомъ есть, иже вѣдоша къ расплатир же уже бо, но платъ возложиша на выю его и совокуиша оба конца тако і вѣдоша. Оплечье есть хламида червленая или котига не шитая, съ бѣдую жъ ризу облачатся по образу Вышняго, якоже рече евангелистъ: ризы же Его быша бѣлы яко свѣтъ». И патриархъ сказалъ у насъ де такъ, какъ де есть. А после архимандритъ его сказалъ: «естъ де и у насъ ризы по вашему жъ сѣдлану, а тѣ же сѣдланы въскоре». И патриархъ же говорилъ митрополитомъ: «Бога ради, де, указывайте намъ по своему, какъ де у васъ чинъ ведется, а я де радъ слушати».

А егда его облачалъ архидьяконъ и говорилъ по своему языку зычно: зисподати деспота, кланялъ съ правне страмы, а не противу патриарха. И какъ патриархъ ободояся и подъяи пѣди ему: исподати деспота, и онъ въ то время всталъ и архидьяконъ его поднесъ ему подсвѣщникъ серебрянъ, по своему ихъ обычаю учиненъ на три шадаца (шандана), а въ тѣхъ шаданѣхъ по свѣщца, и онъ тѣми свѣщцами учалъ освѣнати кругомъ на всѣ четыре страны и параманга (параманда) служебнаго у него не было, лише тотъ парамандъ, что на свѣткѣ, а понагню возложили верху сана и амаеора. И митрополиты и архиепископы ему о томъ говорили, и онъ сказалъ: «парамандъ де на мнѣ есть на что де другой»; а про понагню учили говорить, и онъ отказалъ же: «у насъ де такъ ведется»; а шапка на немъ была безъ опушки на черномъ бархате прибываны плащи, какъ коруна позлащены да каменны сажены, а святыхъ нѣтъ, лише на верху выбитъ крестъ, да по сторонамъ четыре херувима и серафима; а на проскомидіи дѣйствовалъ надъ одѣтѣмъ агнепомъ, а в прочие просвиры стоялъ по обычаю, какъ дѣйствовали власти, и ему говорили: «какъ де ты государь служишь преже сего и ты де просвиры заздравные вынѣмалъ въ херувимскую пѣснь, а у насъ того чину не ведется, и тебѣ бѣ государъ такожъ нинѣ вынимати заздравные просвиры въ подобно время съ нами, а не въ херувимскую пѣснь». И патриархъ говорилъ: «и

ненарушимою, что русская церковь и въ церковно-обрядовыхъ вопросахъ должна неуклонно держаться постоянного единенія съ греческою церковію. Уже въ большомъ Катихизисѣ, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1627 году, на вопросъ: *дѣйстви-*

я де стану дѣйствовать по вашему жъ чину, а впрямъ де тому у меня небудеть. Потомже пришесть Арсенен архіепископъ суждальскій: и онъ патриархонъ армянъ знаетъ и патриархъ дѣйствовалъ все по нашему, какъ ему Арсенен укажетъ, а молитвы и октены и возгласъ говорилъ своимъ языкомъ, по своему служебнику, і въ службѣ освящалъ нашими свѣщамъ, лите какъ началъ говорить: *глаголь твоихъ, і въ тѣ поры архидьяконъ ево руку правую возложилъ на глѣвою и коснулся ко святни дискоу подвинулъ по престолу впрямъ правою рукою, а поцаръ глѣвою рукою подвинулъ.* Ино власти о томъ патриарху говорили: *«узнаю де того дьяконъ не дѣйствуетъ, то де ерейская служба», и они в томъ прощениѣ получили, а ни в чемъ не пререковали, потому что у нилъ, по греху возакоснили отъ перваго преданнаго имъ чина.* И какъ пость службы провокали его до вели митрополиты и архіепископъ, и онъ обратился говорить: *«прощениѣ де вы меня своимъ благочестиемъ, и напоми де жаждущю землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ де вамъ много челоуъ бѣю».* (Эта записка, напечатанная изъ нашей академической рукописи № 202, напечатана архимандритомъ Леонидомъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1883 г. кн. II.) Изъ приведеннаго свидѣтельства видно, въ чемъ собственно русскіе іерархи полагали недостатокъ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ современныхъ грековъ: они были убѣждены, что греки «позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина» — погрѣшили въ вѣствованіи церковныхъ чинахъ, которые во всей ихъ первоначальной чистотѣ и неизмѣненности сохранились теперь только у русскихъ. Ироническія слова патриарха Феофана, съ которыми онъ по окончаніи службы, обратился къ сопровождавшимъ его русскимъ іерархамъ: «просвѣтили де вы меня своимъ благочестиемъ и напоми де жаждущю землю водою своего благочестиваго ученія, и въ томъ де вамъ много челоуъ бѣю» — были приняты русскими за чистую монету, такъ что они вполнѣ были увѣрены, что имъ дѣйствительно приходится, относительно церковнаго чина, поучать самихъ восточныхъ патриарховъ. Такъ смотрѣлъ на это дѣло и ключарь Успенскаго собора, Иванъ Насѣдка, который въ преніяхъ по поводу перекрещиванія датскаго королевича Вольдежара, заявилъ пѣмчину-пастору Матѣю: «да хотя тебѣ и не годны кажутся наши книги, но во всѣ царства христіанскіе на востоцѣ и на полуноцѣ и на западѣ и гдѣ ни есть христіане, то начальники ихъ: патриархи и митрополиты и архіепископы и весь чинъ священной, къ нашему государю царю и великому князю Михаилу Теодоровичу всея Русии и ко святѣйшей церкви поклоняются и со слезами просятъ, еже не пищи и одежды, но ученія и заступленія о православной вѣрѣ, и не отъ четырехъ патриарховъ вселенскихъ, но отъ дому пречистые Богородицы великия Росіи, отъ владычества государскаго. И имъ государь нашъ, глава христіанская, съ пастыремъ своимъ, есегда всѣмъ ищущимъ христіанскую вѣру соблюдать, и яко единому тѣлу своему, споболѣзнуеть и писанми и учении и духовною пищею всегда веселитъ и

пельно-ли римляне первоначальники въ вѣрѣ, дается такой отвѣтъ: „не первый есть законъ, или вѣра римская, покуда начало вѣрѣ Христовѣ отъ Іерусалима пріяты Римъ, ижеже (въ Іерусалимѣ) и до сего времени греци цѣлу и ненарушиму сохраняють ея⁴⁷⁾. Мысль о подножьи православія современной греческой церкви, о всегдашнемъ единеніи съ нею церкви русской ясна и опредѣленно высказалъ самъ патріархъ Іосифъ въ своемъ посланіи къ датскому королевичу Вольдемару. Въ первомъ своемъ посланіи къ Вольдемару (21 апрѣля 1644 г.) патріархъ Іосифъ между прочимъ пишетъ, что „греци и Русь“, отвергнуша „за отступленіе отъ вселенскихъ патріархъ“, „а назвали соборную иконолическую церковь едину восточную, которая седмю вселенскими соборы утвержденную вѣру держитъ во всемъ ненарушимо, цѣлу и невредиму соблюдаетъ и до днесь“, что „римляне и германе“ не крестятся прямымъ крещеніемъ, „якоже сначала предано святыми апостолами и святыми вселенскими седмю соборы въ три погруженія, *еже и донынѣ у грековъ и у насъ Руси невредимо соблюдаемо есть*“. Во второмъ посланіи къ

прохлаждаетъ и упокоиваетъ всякими потребами, и церква всѣ во вселенной всеелятся и радуются о его владчествѣ надъ христианами» (Рукопись Синод. библиотеки № 857, л. 185 об.—186). Но что подъ этими наученіемъ восточныхъ іерарховъ со стороны русскихъ вовсе не разумѣется наученія собственно вѣрѣ, которая сохранялась у грековъ во всей ея цѣлости и неповрежденности, а наученіе именно церковному чину, въ которомъ греки по грѣхамъ «позакосѣли». — это доказывается еще и слѣдующимъ заявленіемъ одного изъ современниковъ преній по поводу вопроса о переименованіи королевича Вольдемара. Этотъ современникъ, описывая исторію сватовства Вольдемара, неудачныя попытки вновь окрестить его, заявляетъ, что весь западъ развращенъ папою и Литеромъ, и на востокѣ народы «во тмѣ пребываютъ, непросвѣщенни же божественнымъ свѣтомъ, сирѣчь святымъ крещеніемъ, кромѣ греко-русскія вѣры: грекове, *тии еще хранятъ Божественный законъ*, аще и въ неволи пребываютъ *того ради поимынишася, но обаче еще держатъ нашу христианскую вѣру, иже предана намъ отъ самого Господа нашего Іисуса Христа, и отъ святыхъ его ученикъ и апостолъ и отъ святыхъ отецъ*». (Рукопись: Книга преній по брачному дѣлу Валдемара дацкаго королевича, изъ собранія Е. В. Барсова.)

⁴⁷⁾ Л. 26. На соборѣ 1620 года Филаретъ Никитичъ между прочимъ говорилъ: «мы же смиреннѣе храняще его (патріарха Гермогена) наказаніе, и тамо въ польскихъ градѣхъ бывше, ничтоже отъ поведѣнія его неуступихомъ и ни въ чемъ ни мало не сложихомся ко отвергшимся *отъ соборныя церкви и отъ вселенскихъ патріархъ*».

Вольдемару Іосифъ пишетъ, что русскіе приняли истинную православную вѣру отъ православныхъ грековъ при князѣ Владимірѣ, что „съ четырьмя вселенскими патріархи и до днесь о православіи сошлася, и къ намъ отъ восточныхъ странъ митрополиты и архіепископы и архимандриты прежде сего и нынѣ прѣизнають; да еще и сами патріархи свидѣтельствованіе въ стѣнѣ (т.-е. несомнѣнно строго православные), и до сего дня мы безъ всякаго порока православную вѣру держимъ и пребываемъ въ ней“⁴⁹. Доказывая, что истинная церковь доселѣ находится въ Іерусалимѣ, патріархъ Іосифъ говоритъ, что къ іерусалимской истинной церкви принадлежать теперь и другія „паче же и четыре патріаршіе мѣста, къ сему же (къ истинной іерусалимской церкви) съ тѣми (четырьмя восточными патріархатами), со всеми святыни вкугѣ, и наша святая великая русскійская церковь сошласуется правымъ исповданіемъ“⁴⁹). Такимъ образомъ патріархъ Іосифъ самое православіе русовихъ доказываетъ именно его принятіемъ отъ грековъ и непрерывностію общенія, до самаго послѣдняго времени, русской церкви съ православными греческими четырьмя патріархами, которые, вмѣстѣ съ русскими, православную вѣру, „ненарушимо, цѣлу и невредиму соблюдаютъ и до днесь“.

Съ особенною силою и опредѣленностію мысль, что четыре греческіе патріарха доселѣ во всемъ сохранили православную вѣру неизмѣнною, что они ничего не измѣнили даже ни въ какомъ церковномъ преданіи и древнемъ постановленіи, доказывается въ изданныхъ при патріархѣ Іосифѣ знаменитыхъ книгахъ, доселѣ уважаемыхъ нашими старообрядцами, въ такъ-называемой Кирилловой книгѣ и въ книгѣ о Вѣрѣ. Въ Кирилловой книгѣ (л. 93) говорится: „четыре вселенскія патріархи даже и до днесь, каждаго лѣта соборнѣ, тако же и по единому, писаньи своими право и неизмѣнно вѣру данную имъ отъ святыхъ апостолъ, и ихъ учениковъ, и седми вседенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не разрушающе, ни прикладая, ни отлагая проповѣдали и проповѣдуютъ, держамъ и держатъ, и славятъ пресвятую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа“. Въ книгѣ о Вѣрѣ такимъ образомъ характеризуется современное

⁴⁹) Рукопись нашей академической библиотеки, № 338, л. 3, 96, 99 об.

положеніе греческой церкви, страдающей подъ игомъ невѣрныхъ турокъ: „святая восточная въ грецѣхъ обрѣтенная церковь правымъ царскимъ путемъ, аще и вельми тѣснѣнъ, но обаче отъ Иисуса Христа Бога и Спася нашего и истинныхъ его наслѣдниковъ утлаченнымъ, ни направо, ни налѣво съ пути не соврашася къ горнему Иерусалиму сыны своя препровождаетъ, въ поданномъ отъ Господа Бога терпѣніи; и ни въ чемомъ установленіи Спасителя своего и блаженныхъ его учениковъ, и святыхъ отецъ преданія, и седьми вселенскихъ соборовъ, *Духомъ Святымъ собранныхъ уставъ не нарушаетъ, ни отнимаетъ, и въ малѣйшей части не отступаетъ, ни прибавляя, ни отнимая* живо но яко солнце одинакою лучею правды всегда, *аще и въ неволи пребывая*, свѣтится правою вѣрою. А чтобы лучше православныи христіане въ той мѣрѣ вѣдомость могли имѣти, яко стадо Божіихъ овецъ, въ Греціи живущихъ, аще тѣлесную чувственную, отъ тѣлеснаго и чувственаго врага неволю терпѣтъ, но вѣру истинную, и совѣсть свою чисту и несверну, царю надъ всеми царя и Богу сохраняють. Ничегожъ бо турки отъ вѣры, и *отъ церковныхъ чиновъ отнимаютъ*, точию дань грошовую отъ преевѣвъ приемлютъ, а о дѣлахъ духовныхъ и о благоговѣніи имъ мало не належають, и не вступаютъ въ то. И якоже люди Божіи, егда въ работѣ египетской быша, вѣры не отпадоша, и первии христіане, въ триста лѣтъ въ тѣсной неволи будучи, вѣры не погубиша, тѣмъ же образомъ и въ нынѣшнее время въ неволѣ турецкой христіане вѣру православную цѣлу соблюдаютъ... *да зарадятся всякая уста малолуцихъ неправду, гордыню и умничаніемъ, на смиреннѣхъ грекохъ!*“ „Помощію Господнею въ восточной церкви четырехъ верховнѣйшихъ пастырей, по подобію четырехъ евангелистовъ, имѣемъ... Но рекуть римляне, яко патриарси со всемъ духовенствомъ турецкому дани дають: и то есть правда; нечего тому дивитися: аще и дають, да волю имуть свое благочестіе содержати, зане и Христосъ Богъ нашъ св. Петру за себѣ и за его повегъ дань воздати,—и нѣсть рабъ болій господина своего... Всуе безъ ума бискупы римстїи гордостію безвѣрною возмоятся, яко богатѣй оны, и укоряють убогаго въ душѣ Лазаря, иже въ терпѣніи возложеннаго креста Господня, съ ярма своего не снимаючи носятъ, и терпятъ съ Лазаремъ и съ иными избранными Божіими смиреннѣи грекове, дондѣже

Вотъ изволить... Слушати, говоритъ таже книга, составленная по совѣту и благословенію патріарха Іосифа, слушати восточныхъ периве и патріарха константинопольскаго и прочіихъ четырехъ, творить намъ оную пользу: благословеніе временное и спасеніе вѣчное. *Русійскому народу патріарха вселенскую архіепископа константинопольскаго слушати, и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и науцъ духовной есть польза, и приобритіеніе велие, спасительное и вѣчное*...⁴⁹⁾.

Очевидно, что эти возрѣнія на грековъ и греческую церковь, высказанныя въ Кирилловой книгѣ и въ книгѣ о Вѣрѣ, прямо подготовляли почву для церковной реформы Никона, создавали прочіую опору для всей будущей его реформаторской дѣятельности, ибо они рѣшительно опровергали ходившіе и очень распространенные на Руси слухи о потерѣ греками истиннаго православія, указывали на необходимость полного единенія русской церкви съ греческой, которая во всемъ, не исключая самыхъ церковныхъ чиновъ, осталась до послѣдняго времени строго вѣрна древнимъ уставамъ и преданіямъ „не отступивъ отъ нихъ и въ малѣйшей части“.

Заявляя о полномъ единеніи русской церкви съ греческою, что „съ четырьмя вселенскими патріархи и до днесь о православіи ссылаемся“, что русскому народу константинопольскаго патріарха „слушати и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и въ науцъ духовной есть польза“, патріархъ Іосифъ доказывалъ это и самымъ дѣломъ. Онъ обратился въ константинопольскому патріарху съ особою грамотою въ которой просилъ его разрѣшить слѣдующіе вопросы: можно-ли многимъ архіереямъ и іереямъ служить божественную литургію двумя потирами? Подобаеть ли въ службѣ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ читать единокласно? Нѣкоторые жены оставляютъ мужей своихъ по недлюби и постригаются, а мужи оставляютъ жѣны своихъ,—какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Можно ли дѣлать священниками женившихся на вдовахъ, или вступившихъ во второй бракъ? На эти вопросы Іосифа былъ полученъ изъ Константинополя соборный отвѣтъ, разрѣшавшій недоумѣнія московскаго патріарха, причемъ заявлялось, что великая констан-

⁴⁹⁾ Главн: 2, 20, 26.

тифнопольская церковь воспріяла отъ Бога силу отверзать двери вѣрнымъ къ разумѣнію божественнаго ученія, утверждать ихъ въ разумѣніи истинной и правой вѣры Христовой, что она есть источникъ и начало всѣмъ церквамъ, „напаяетъ и подаетъ животъ всѣмъ благочестивымъ христіанамъ во всѣхъ церквяхъ“, такъ какъ она всѣ догматы благочестія „хранитъ ненарушимо и неподвижно, какъ сначала приняли, не умалила и не прибавила“. Въ то же время константинопольскій патріархъ прислалъ Іосифу грамоту отъ себя лично, въ которой опять заявляетъ, „что если иное что понадобится блаженству вашему, то блаженство ваше братскою о Богѣ любовью, пусть ищетъ кажда и присылаетъ вопросы о исправленіяхъ церковныхъ, ибо великая церковь Христова, благодатію Святаго Духа, есть начало инымъ церквамъ и должна въ нихъ исправлять неисправленное; святая каѳолическая, апостольская великая церковь Христова, противъ променяна никогда безответною не бываетъ“⁴⁰⁾.

Такимъ образомъ уже патріархъ Іосифъ считалъ нужнымъ и необходимымъ обратиться къ патріаршему константинопольскому собору, какъ къ такому учрежденію въ православной церкви, отъ котораго русская церковь должна получать указанія и отвѣты по поводу разныхъ возникающихъ въ ней церковныхъ вопросовъ и недоумѣній⁴¹⁾. Этими самымъ патріархъ Іосифъ от-

⁴⁰⁾ Греческія дѣла 7159 г. № 8.

⁴¹⁾ При этомъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующее малопонятное обстоятельство: вполне естественно было ожидать, что Іосифъ, въ соборномъ опредѣленіи о единогласіи, сошлетъ на присланный ему отвѣтъ константинопольскаго патріарха, иначе самое его обращеніе къ нему не имѣло бы цѣли. А между тѣмъ въ соборномъ опредѣленіи 1651 года о единогласіи, Іосифъ вовсе не упоминаетъ объ отвѣтѣ ему константинопольскаго патріарха, а смысляется только на постановленіе русскаго Стоглаваго собора. Чѣмъ объяснить это явленіе? Возможны два предположенія: Іосифъ въ соборномъ опредѣленіи о единогласіи нарочно умолчалъ объ отвѣтѣ ему константинопольскаго патріарха изъ опасенія, какъ бы эта ссылка на авторитетъ современныхъ грековъ не вызвала протеста со стороны сильной въ то время партіи ревнителей русской старины, признававшихъ грековъ удержавшими истинное благочестіе, такъ что это умолчаніе со стороны Іосифа было дѣломъ осторожности и благоразумія, слѣдствіемъ его нежеланія произвести возможные церковныя волненія. Но, кажется, вѣроятнѣе будетъ объяснить это дѣло предположеніемъ, что Іосифу, въ окончательной редакціи соборнаго постановленія о единогласіи, просто не дозволили упомянуть объ отвѣтѣ константино-

крыто призналъ, что константинопольская церковь по прежнему дѣйствительно „напаяетъ и подаетъ жизнь всѣмъ церквамъ“, что въ дѣйствительности она всѣ догматы благочестія по прежнему хранить „ненарушимо и неподвижно, ничего не умалая и не прибавляя въ нихъ“, и что, такъ какъ она есть „источникъ и начало всѣмъ церквамъ“, то ей и принадлежитъ право во всѣхъ другихъ помѣстныхъ православныхъ церквахъ „исправлять не исправленное“. Понятно, какой сильный удар наносилъ этимъ

польскаго патриарха, а заставили его сослаться только на постановленіе Стоглаваго собора. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: враждебные патриарху Іосифу (о чемъ сказано будетъ ниже) Стефанъ Вонифатьевичъ и Нероновъ ввели сначала единогласіе въ своихъ церквахъ въ Москвѣ, а затѣмъ, другъ ихъ Никонъ, съѣздившись новгородскимъ митрополитомъ, ввелъ единогласіе въ своей епархіи. Дѣлалось это, вѣроятно, съ разрѣшенія только царя, во имя патриарха Іосифа, который по этому и отнесся къ введенію единогласія, какъ къ своевольію и самочинію подчиненныхъ ему лицъ, но на сторонѣ которыхъ стоялъ одною царь. Такъ какъ Стефанъ, Нероновъ и Никонъ въ оправданіе своего образа дѣйствій, вѣроятно, сослались на ясное и опредѣленное постановленіе объ единогласіи Стоглаваго собора, то Іосифъ, изъ противодѣйствія имъ, обратился къ константинопольскому патриарху и рѣшился ввести единогласіе только послѣ полученія отъ него положительнаго отвѣта, ставшая въ вопросѣ о единогласіи даже бы еще на рѣшенныхъ церковно окончательна. Понятно отсюда, что значило для заинтересованныхъ лицъ, сослаться ли соборное опредѣленіе о единогласіи на отвѣтъ константинопольскаго патриарха, или на постановленіе Стоглаваго собора. Въ первомъ случаѣ, введеніе Стефаномъ, Нероновымъ и Никономъ единогласія было бы самочиніемъ, своевольнымъ введеніемъ въ церковную практику того, что еще не рѣшено было окончательно голосомъ церкви; во второмъ случаѣ, т.-е. когда исходной точкой для рѣшенія вопроса бралось только постановленіе одного Стоглаваго собора, какъ вполне достаточное, введеніе Стефаномъ, Нероновымъ и Никономъ единогласія не только не было актомъ своевоія, но простымъ выполненіемъ обязательныхъ для каждаго соборныхъ постановленій, за что они заслуживали уже не порицанія, а похвалы. Въ виду этого, если интересъ патриарха Іосифа требовалъ опереться въ соборномъ рѣшеніи 1651 года о единогласіи на отвѣтъ константинопольскаго патриарха, то интересъ Стефана, Неронова и Никона наоборотъ требовалъ сослаться на Стоглавый только соборъ, который вполне оправдывалъ ихъ предшествующій образъ дѣйствій въ вопросѣ о единогласіи. А такъ какъ патриархъ Іосифъ въ это время уже сильно потерялъ свое значеніе и вліяніе и царь вполне находился на сторонѣ Стефана, Неронова и Никона, то Іосифъ и долженъ былъ уступить своимъ сильнымъ, опиравшимся на царя, противникамъ, вслѣдствіе чего въ соборномъ постановленіи 1651 года о единогласіи и было упомянуто только объ опредѣленіи Стоглаваго собора, и вовсе умолчено объ отвѣтѣ константинопольскаго патриарха, — это было, очевидно, пораженіемъ для Іосифа и торжествомъ для его противниковъ

Иосифъ тѣмъ представленіямъ русскихъ, по которымъ истинному благочестію теперь слѣдовало учиться не русскимъ у грековъ, а совершенно наоборотъ; понятно, какъ недовольны имъ были всѣ ревнители родной старины, убѣжденные, что у современныхъ грековъ благочестія „и слѣду нѣтъ“, что самая вѣра православная у нихъ сдѣлалась „пестра“; понятно также, что Иосифъ, своимъ обращеніемъ къ авторитету константинопольскаго патріарха, при рѣшеніи русскимъ церковнымъ дѣламъ, уже прямо указывалъ на тотъ путь, которымъ слѣдовало идти его преемнику Никону въ его реформаторской дѣятельности.